

Фрагмент перевода книги

Michael Hampe
Tunguska oder Das Ende der Natur

Carl Hanser Verlag, München 2011
ISBN 978-3-446-23767-4

с. 27-44

Михаэль Хампе
Тунгуска, или Конец природы

Перевел с немецкого Олег Никифоров

1-я беседа

ПРИБЫТИЕ

Фейерабент (*с глазной повязкой*): Как вы сюда попали?

Черенков (*в шерстяном костюме в мелкую клетку*): Это и мне непонятно.

Вспышка, жар.

Блэкфут (*лысый*): Что это за странный туман вокруг? Всё расплывается. Я и своих ног не вижу, словно они растворились. Эта пелена...

Фейерабент: Так оно здесь и есть. Мало что вообще имеется, да и то в тумане

Бордман (*в клетчатой рубашке*): А где мы?

Фейерабент: На корабле, контейнеровозе. Мы мертвы.

Черенков: Думал, будет хуже.

Бордман: А я думал, что вообще ничего не будет.

Блэкфут: Ну, как мне видится, здесь не многим больше, чем ничего.

Фейерабент: По крайней мере, мы можем разговаривать.

Черенков: Не думал, что еще можно будет разговаривать.

Блэкфут: А поесть что есть? Что там вообще в этих контейнерах?

Фейерабент: Это лишь воспоминание, голод – тоже. Всё – лишь воспоминания.

Блэкфут: И день с ночью?

Фейерабент: Их нет, всегда лишь эта полутьма, туман и звук судового мотора.

Черенков: И давно Вы уже здесь?

Фейерабент: Без понятия. Мои часы остановились.

Черенков (*смотрит на часы, постукивает по стеклу циферблата*): Мои тоже.

Начало двенадцатого. Мы тогда еще сидели за чаем и собирались что-то обсудить.

Блэкфут: Точно. А потом вспышка и жар. А теперь этот холод и туман. Странно.

Бордман: А как это мы еще себя помним?

Фейерабент: Это то, что остается. Но воспоминание – это тоже своего рода туман. Много более смутный, чем жизнь. А где вы были до этого?

Черенков: Душное лето, зал с красными креслами, цветы на коврах – лобби гостиницы? А потом вспышка и невероятная жара.

Блэкфут: Ганасика?

Черенков: Точно, ну конечно же! Ганасика! Конгресс...

Фейерабент: Как Вас зовут?

Черенков: Черенков. А Вас?

Фейерабент: Пол

Блэкфут: Я – Альфред.

Бордман: Мое имя – Адольф Бордман.

Фейерабент: Рад познакомиться.

Бордман протягивает Фейерабенту руку, однако она растворяется в клубах тумана.

Фейерабент: Не получится. Лишь воспоминание и речь еще работают. Ну и зрение со слухом, конечно же.

Над собеседниками сквозь туман парит альбатрос. Слышится его крик.

Бордман: Вы видели? Альбатрос!

Блэкфут и Черенков: Да!

Бордман: Как называется этот корабль? И куда он направляется?

Фейерабент: Без понятия.

Черенков: А можно ли спуститься на нижнюю палубу, к команде, и спросить у них?

Фейерабент: Нет. Команды нет. Да и ходить невозможно.

Блэкфут: Что значит «ходить невозможно»? Мы что – навсегда останемся здесь?

Фейерабент: Здесь нет ничего, кроме нас, корабля и тумана. Время от времени кто-то исчезает. Потом каким-то образом появляются новые – из тумана или из контейнеров, я толком не знаю. Стучит мотор. Иногда пролетает альбатрос или чайка. Больше ничего.

Черенков: А других Вы уже встречали?

Фейерабент: Вы имеете в виду таких, как мы? Да, кажется, видел парочку. Но то, что происходит здесь, на корабле, почти не запоминается.

Помнится то, что было раньше, при жизни.

Черенков: А вы сами как сюда попали, Пол?

Фейерабент: Опухоль головного мозга. Довольно неприятная вещь. – О чем вы собирались беседовать перед тем, как попали на борт?

Черенков (*задумывается*): ...Тунгуска. Мы хотели поговорить о Тунгуске. Я

как раз собирался описать само событие. Мы встретились, чтобы обменяться гипотезами, сравнить их друг с другом. И тут – вспышка.
Блэкфут: Наверное, бомба.

Фейерабент: Энергетическая бомба. Северяне бомбардировали Ганасику.
Тогда мне было двадцать один.

Блэкфут: Как так? Вы пережили нашу смерть? Но вы ведь уже были здесь, когда мы тут очутились.

Фейерабент: Откуда вы это знаете?

Блэкфут: Ведь это *вы* знаете что к чему здесь, на этом корабле в этом тумане, не *мы*. И если Вы двадцатиоднолетний слышали о нашей смерти, то наверняка умерли после нас.

Фейерабент: О вашей смерти я не знал, только о бомбах. Об этом всем было известно – атомное вооружение Северян, конец Большой войны. Вы не слышали про Оширмию?

Бордман: Слышали, что на нее был воздушный налет, во время нашей конференции. Но почему тогда мы прибыли сюда после Вас? Сколько Вам было, когда Вы умерли, Пол?

Фейерабент: Почему Вы решили, что прибыли на корабль после меня? Я почти уверен, что мне было семьдесят.

Бордман: Как это так?

Фейерабент: Ну, исполнилось семьдесят.

Бордман: Да я не о том! Как это могло так случиться, что вы нас пережили, но оказались здесь уже до нас?

Фейерабент: Почему вы считаете, что я был здесь уже до вас? Вы просто позабыли, как давно здесь находитесь. Все время начинаете с самого начала. Ну а я помню немного больше. До или после, раньше или позже – всего этого здесь нет, за исключением прижизненного Раньше. Здесь у вас только туманное настоящее и воспоминания. Черенков, вы еще помните, что собирались сказать, перед тем как очутились на борту?

Черенков: Да... - да, всё понемногу возвращается. Теперь снова вспомнил.

Фейерабент: Так рассказывайте же! Продолжайте с того места, где Вас прервала вспышка!

Черенков пересказывает воспоминания своего двоюродного деда

Черенков: Меня самого – это я для вас, Пол, потому что я понятия не имею, что вы знаете о Тунгуске, - так вот, самого меня, конечно же, там тогда не было. Но мой двоюродный дедушка, Леонид Кулик, там был и потом мне, еще ребенку, об этом многократно рассказывал. Всю свою жизнь я помнил этот рассказ, и в конце концов даже записал его. Той записью я, конечно, теперь воспользоваться уже не могу, но тем не менее весь этот рассказ помню дословно, как это мне, по крайней мере, представляется.

Фейерабент: Вполне возможно. Иногда жизнь здесь вспоминается с чрезвычайной точностью. В особенности, если до этого долго вглядываться в туман.

Черенков: Петух, по рассказу моего деда, в утро того дня не прокукарекал. Следует упомянуть, что дед мой жил на земле, имел собственное небольшое хозяйство в местечке Ванавара, совсем рядом с эвенками, хотя сам он, конечно же, был русским, а не эвенком. Но с эвенками он часто общался. Так вот, и другие птицы в то утро не пели. Потому-то тот день мой дед проснулся, когда солнце уже светило ему в лицо. Совершенно необычный ослепительный свет в тот день, как он всегда подчеркивал, рассказывая о происшествии. Обыкновенно птицы всегда начинали петь перед самым рассветом. В это время дед обычно уже поднимался, но иногда оставался в постели и слушал их пение. Когда кричал петух, дед разжигал огонь в печи на кухне. Но в тот день никакого пения не было.

Проснулся мой дед в жуткой тишине и совершенно вспотевший. Когда он поднялся с кровати, солнце уже не просто сияло, оно парило. По его словам, сверкающая тишина стояла вокруг него, когда он наполнял котелок и разжигал печь, чтобы сварить себе утренний кофе. Собака же его даже не поднялась со своей подстилки, чтобы, как обычно, поприветствовать его за его первыми утренними занятиями. Понурился, с опущенными ушами и виноватым взглядом, она поглядывала на него со своей подушки. Колбасу она, что ли, стащила? Собака не двинулась и тогда, когда мой дед дружеским шепотом окликнул ее и хлопнул рукой по своему правому бедру – «к ноге!». Тут-то дед и понял – что-то не так.

Через кухонную дверь он вышел во двор, посмотрел на небо. Судя по свету, было уже часов девять-десять, но тишина стояла как часа в два ночи... Свет был каким-то странно равномерным. «Как если бы я стоял посреди яркой, высвеченной множеством прожекторов, горячей ночи», - так об этом из разу в раз рассказывал мой двоюродный дед Леонид Кулик. Потом он увидел на светлом небе ярко светящиеся бело-голубым нити, похожие на трассеры, только намного светлее. Никогда раньше он не видел настолько светлого света. Это было подобно медленному звездному дождю, дневному метеоритному дождю, но многим-многим дождям. Тогда он, не отрывая глаз от неба, присел на скамью под кухонным окном, чтобы спокойно созерцать это зрелище. По всему его телу ручьями лил пот. Он не понимал, то ли он так взмок от жары, то ли от своего странного душевного состояния. Наверное – как потом, рассказывая о произошедшем, размышлял мой дед, всегда, как впервые, додумываясь до такого объяснения, - наверное, тогда его тело уже обуял приступ страха, что до разума дошел лишь позднее, причем настолько ужасающий, что он сам уже должен был исходить потом, т.е. потеть потом телесного ужаса, самого ужаса еще не почувствовав. Мой дед не мог сказать, как долго он там сидел. О котелке на огне он совершенно забыл. Просто сидел, упершись взглядом в этот звездный дождь, покуда, наконец, не начался рокот. Этот рокот нисходил с неба и становился все громче. Заскулила собака – когда рокот только начинался, он еще мог слышать, что собака на кухне принялась скулить. Вскоре после этого пес с опущенной мордой и поджатым хвостом выбрался с кухни и заполз под скамью. Звездный дождь все усиливался. Затем к раздававшемуся практически в грохочущее громыхание рокоту добавилось какое-то дребезжание, как от очень тяжелых листов железа. В какой-то момент, как ему показалось, по солнцу проскользнуло нечто невыразимо светлое, на мгновение затмив и само солнце.

Затем, где-то секунд через десять, сверкнула первая молния. Свет окружал ее – он всегда говорил «окружал» («herumgestanden») – довольно долгие секунды, а затем в грохочущем рокоте и лязганьи как-то сгустился и обернулся ударом, за которым последовал звонкий

хлопок. Затем по земле пошло сотрясение и пес взвыл снова, только на этот раз громче и отчаянней. После этого он снова на протяжении нескольких секунд мог распознавать предметы - забор вокруг дома и башню часовни напротив. Но затем рокот стал снова нарастать, вновь долгие секунды зависшего света молнии, удар, но в этот раз еще и с шипением, потом снова звонкий хлопок и сотрясение земли. И так продолжалось несколько минут. Опять и опять: молния, хлопок, сотрясение, шипение, молния, хлопок, сотрясение, шипение...

Фейерабент впервые выражает сомнение

Фейерабент: Но подождите, Черенков! О чем Вы собственно здесь рассказываете? Не говорите ли Вы о той молнии, что занесла вас троих сюда? Не путаете ли Вы здесь чего, или я сам что-то перепутал?

Черенков: Нет, нет, конечно, не эта *наша* недавняя молния. Вы что, Пол. То, о чем я рассказываю, произошло в 07.15 30-го июня 1908-го.

Фейерабент: Но это тоже была молния?

Черенков: Не просто молния – много молний. Тунгусское происшествие – не недавнее дело, оно случилось много десятилетий назад, когда я был еще маленьким ребенком.

Фейерабент: Что недавно, что много десятилетий назад. Здесь это не играет никакой роли. Почему Вам знать, не была ли это одна и та же молния?

Черенков: Как это может быть той же самой молнией, если одна ударила *только что*, а другая – когда я был еще ребенком? Молния бьет лишь единожды. Умер же я пожилым человеком, а не ребенком. Вы несете чушь, Пол.

Фейерабент: Вот как. Т.е. вы знаете, сколько вы уже здесь находитесь? Почему же вы тогда прибыли после меня, как вы это полагаете, хотя и умерли раньше?

Черенков: Вот этого я тоже не знаю. Но в том, что умер я недавно, - сомнений у меня нет.

Фейерабент: Что это за «недавно», как понимать это «недавно»? Вы представляете, какой сейчас год, и есть ли здесь вообще какие-нибудь года?

Черенков: Нет, но то, что 30-го июня 1908-го мне было четыре года, - это-то

я знаю.

Фейерабент: Вполне возможно, но сколько Вам сейчас? Как Вы собираетесь измерять здесь время? Часы Ваши остановились, нет ни солнца, ни ночи, только туман. А может, Вы пребываете здесь уже десяток лет – если вообще допустимо говорить о том, что мы здесь пребываем, причем пребываем здесь такое-то и такое-то количество времени. Впрочем, и это неважно. Примечательно же вот что: Вы садитесь чаевничать со своими коллегами по конгрессу в лобби какого-то отеля, чтобы поведать им свою историю о молниях...

Черенков: ... чтобы проинтерпретировать сообщение об определенном действительном и подтвержденном в своей фактичности событии – а это все-таки нечто совсем иное, Пол.

Фейерабент: Как Вам угодно. Итак, Вы усаживаетесь, чтобы поговорить о фактических молниях, и тут внезапно действительно ударяет молния и Вы на деле оказываетесь мертвы. Не странно ли все это?

Черенков: Всего лишь совпадение, ничего больше.

Фейерабент: Ну да.

Черенков: Могу ли я теперь продолжить?

Фейерабент: Продолжайте!

Леонид Кулик в панике

Черенков: Мой дед рассказывал, что не мог сосчитать все молнии. Он вообще потерял способность считать – настолько поражающей оказалась его паника, что он уже не справлялся даже с этой простейшей и нередко успокаивающей задачей перехода от одного числа к следующему. Поначалу он страшился вовсе ослепнуть. Хотя уже после второго удара молнии он зажмурил глаза и бросился на землю, свет все-таки попал в него – он всегда говорил «попал», - как бы ударил ему в мозг. Он посчитал, что мир летит в тартарары, и тут им обуяла ужасная паника. Но не страх смерти. Страх смерти он уже испытывал ранее – при восхождении в горы и на охоте, когда наткнулся на медведицу с медвежонком, которая не отступила, но угрожающе поднялась на задние лапы и зарычала. Тогда он подумал, что ему конец. Но в том свете ничего подобного ему в голову не приходило. Ему

тогда вообще ничего не приходило в голову, за исключением самого этого света, причем он трясся всем телом и исходил потом, как безумный. Сердце его бешено колотилось и он едва мог дышать – настолько сжалась его грудь. Он осязаемо чувствовал, как сквозь череп свет проникает в его мозг – он так всегда и говорил: «сквозь череп в мозг», - как если бы его родничок раскрылся, как если бы на его обращенной в небо макушке проявился ослепляемый сиянием третий глаз, прикрыть который он был не в силах.

Так это описывал мой дед.

Фейерабент: И Вы ему поверили?

Черенков: Ну прекратите же, Пол! Во всем мире писали об этом событии. В Лондоне в полночь 30-го июня 1908-го было настолько светло, что можно было читать газету. Никто не сомневается в факте произошедшего. На квадратном километре площади были повалены деревья. Все они были повалены почти концентрически, поскольку площадь падения имела форму бабочки, с условным центром в Ванаваре, верхушками вовне – т.е. корнями к центру, куда, скорее всего, и били молнии, а кронами в противоположном направлении. Эвенки, пережившие происшествие, рассказывали потом нечто подобное сообщенному моим дедом. Не все говорили одно и то же. Но сомнений в том, что произошло, нет.

Блэкфут: Это верно. Имеются киносъёмки экспедиций, исследовавших место, пусть и несколько лет после происшедшего. Были сделаны фотографии поваленного и частично сожженного леса. Вы что, Пол, ничего об этом не слышали? Не смотрели «Сталкер» Тарковского и не читали «Пикник на обочине» Стругацких?

Как факты отличаются от фикций?

Фейерабент: Нет. О Тарковском я слышал, но ничего не смотрел. Все равно это из разряда фикций – «Пикник на обочине», боже правый! К тому же – как же вы сами об этом услышали или прочитали? Вы же умерли много раньше. Что вообще Вы можете знать о 1970-х?

Блэкфут: Верно. Но как-то я все же об этом узнал, хотя и не помню, как именно. И «Сталкер» отчетливо присутствует в моей памяти, как это ни

странно...

Фейерабент: Здесь почти всё снова забывается. Скорее всего, Вы здесь уже давно и просто позабыли, как и от кого услышали о Тарковском и Стругацких. Может быть, Вы их здесь и повстречали. На кого здесь только ни натолкнешься. А может, Вы и себе часто пересказывали свои собственные истории, однако это позабыли, тогда как истории, рассказанные Вам этим Тарковским и этими Стругацкими, в памяти сохранили, пусть и не памятуя о том, что услышали их от Тарковского и Стругацких. Вполне возможно, что помните Вы только рассказы, услышанные на этом корабле, но, сами того не замечая, смешиваете их со своей собственной жизнью.

Блэкфут: Т.е. Вы полагаете, что все мы здесь болтаемся уже несколько десятилетий, но вновь и вновь об этом забываем. Как такое может быть?

Фейерабент: Как я уже говорил – что здесь может значить «уже несколько десятилетий»? Почти все, что здесь происходит, если можно считать, что здесь что-то происходит, - почти все и забывается. Наверное, чтобы помнить, нужно иметь тело, а как раз его-то у нас, по-видимому, больше нет. С другой стороны, прежнюю-то жизнь мы помним. Т.е., видимо, тело нужно только для удержания чего-то нового. Хотя кое-что из мира живых дополнить здесь можно. Ну и мы сами здесь, как мне кажется, немного изменяемся, но совсем чуть-чуть. Много что здесь можно рассказать и услышать, но лишь совсем немного, кажется, оставляет какой-то след – бог знает почему. Это как с нашим кораблем. То кажется, что он плывет, вы чувствуете кормовую волну, а потом опять ничего – ты по-прежнему в том же тумане, и на море по-прежнему штиль. Ведь если плывешь на настоящем корабле, то и погода может поменяться или цвет моря, или увидишь какой-нибудь остров! Здесь же – ничего подобного. Лишь альбатросы да чайки вносят иногда какое-то разнообразие.

Бордман: Невероятно! Откуда вы все это знаете? Как вы можете знать, что дело обстоит именно так, Пол? Я просто не понимаю. Если мы все забываем и пребываем здесь годами, как бы на месте плывем, или топчемся, или что еще там, и даже не знаем, кто мы такие – как тогда вы можете знать, что здесь происходит? Возможно, вы уже забыли все

изменения, которые здесь происходили.

Фейерабент: В этом я до некоторой степени эксперт. Об этом месте, пусть и не собственно об этом корабле, я уже думал и раньше, еще при жизни, десятилетиями. В некотором смысле я знал уже заранее, сколь неопределенно здесь будет. Честно говоря, я уже был здесь, еще до своей смерти, как Одиссей. Теперь это пригодилось. Может, расскажу как-нибудь потом.

Черенков: Перестаньте нести чушь, Пол, о прижизненном посещении царства мертвых! И Вы еще утверждаете, что Тунгусского происшествия не было, что нам рассказали о нем только здесь и что теперь мы лишь предаемся смутным воспоминаниям о корабельных побасенках! А что тогда сказать об историях Одиссея?

Фейерабент: Чушь я не несу, я объяснюсь Вам попозже, возможно.

Черенков: Если о том не забудете.

Фейерабент: Если о том не забуду.

Черенков: Просто не могу в это поверить. Вы утверждаете, что мы здесь торчим уже десятилетия и постоянно про это забываем, и одновременно сомневаетесь в том, была ли Тунгуска?

Фейерабент: Про десятилетия я ничего не говорю. Я бы даже не сказал, что мы здесь на корабле *пребываем (sind)*. Не знаю, можно ли здесь сказать, что здесь нечто *есть (ist)*. Ведь чтобы быть, нужно иметь некое настоящее, отличающееся от некоего будущего и некоего прошлого. Мне же кажется, что наше прошлое как бы застыло. Оно более не растет, как растет у живого человека, становясь тем больше, чем дольше он живет. И поскольку человек живет, он также что-то и ожидает, имеет будущее. Здесь же перед нами нет ничего. Как и за нами ничего нет, кроме нашей прожитой жизни, но она более уже не может измениться, поскольку мы ведь ее уже прожили – чуть не сказал «отжили». Но ведь Вы сами, Черенков, говорили, что то Тунгусское происшествие сами не переживали. О нем у Вас есть лишь воспоминания Вашего деда и вымыслы названных авторов.

Блэкфут: Да, вымыслы, но относящиеся к действительно произошедшему.

Фейерабент: Т.е. и Вы знаете о Тарковском и Стругацких?

Блэкфут: Да.

Фейерабент: И Вы также верите в то, что их вымыслы относятся к чему-то действительному?

Блэкфут: Я знаю это. Да и о самой Тунгуске я знаю.

Фейерабент: Ну и что мы здесь такое? Нечто действительное или фикциональное?

Бордман: Что вы хотите сказать этим, Пол?

Фейерабент: Вам представляется ясным, что есть факт, а что – вымысел, иначе вы не стали бы утверждать, что роман Стругацких, как и фильм Тарковского, является вымыслом, а Тунгусское происшествие, напротив, фикцией не является. Но само ваше существование здесь – или, лучше сказать, ваше *несуществование* (*Nichtexistenz*) – как кажется, не является ни тем, ни другим, ни действительным, ни фикциональным.

Бордман: В том, что наше здешнее состояние представляется странным, Вы, Пол, конечно правы. Возможно, вы правы и в том, что его не обозначить ни как действительное, ни как фикциональное, что мы существуем здесь будто наши собственные перепутавшиеся в какой-то момент воспоминания, а воспоминания – это всегда что-то фиктивное. Хотя и не все фикции суть воспоминания.

Фейерабент: В своих составляющих элементах – пожалуй что и все. Ничего не выдумаешь, прежде уже не пережив частями это выдумываемое, а затем, в момент сборки вымысла, эти части не вспомнив.

Бордман: Ну и что Вы *этим* нам собираетесь сказать, Пол?

Фейерабент: Что я не знаю, как отнестись к рассказу Черенкова о сообщении его деда, и прежде всего, как мне *здесь* к нему отнестись.

Черенков: Не понимаю, куда Вы ведете, Пол. Сначала сами предложили, чтобы мы здесь продолжили тот наш прерванный молнией гостиничный разговор, а теперь сами нас и прерываете, т.е. вообще не даете ему начаться, подвергая сомнению само его основание, Тунгусское происшествие.

Фейерабент: Я ведь не знал, *о чем* вы собирались говорить. Если бы знал, то и предложения не сделал бы. Молния доставила вас на эту сторону, и о молниях же вы собирались вести беседы. Вы уверены, что ваше чаепитие не происходило в какой-нибудь лечебнице для нервных больных?

Черенков: Так вот в чем ваш вопрос! Нет, мы абсолютно нормальные люди, вполне в себе...

Фейерабент: Ну, сейчас, наверное, уже не вполне.

Черенков: Сам я физик, Пол, Нобелевский лауреат по физике, если быть совсем точным. Альфред – видный математик и философ, а Адольф – биолог, специалист по приматам. Так что не какие-то мы помешанные.

Фейерабент: Как будто математики, физики, философы и специалисты по приматам не могут потерять рассудок! Может быть, я просто всех вас вместе себе нафантазировал! Может быть, вы просто мое давнее воспоминание! Ведь читал же я ваши книги.

Черенков: Про себя я не помню, что написал хоть одну книгу.

Фейерабент: Да не Ваши, Черенков, - я о книгах Бордмана и Альфреда. Я читал «Process and Duality» Альфреда. Замечательная книга. И бордмановскую «Биологию и душу» - довольно смелые тексты, в чем-то очень даже гётеанские.

Бордман: Я это попросту не понимаю

Фейерабент: Возможно, позднее мы к этому еще вернемся. Так или иначе, в том, что вы такое – какая-нибудь фикция, как ваша история с Тунгуской, или какое-то мое воспоминание, - я не уверен. Или все мы вместе, в том числе и я, не что иное, как фикция или же воспоминание кого-то другого, кого мы вообще не знаем...

Бордман: Дорогой Пол, дорогой Черенков, я предлагаю, не углубляться сейчас в этот вопрос. Действительность или вымысел, безумие или разум, все это звучит довольно старомодно или по-картезиански ограничено. Существоем ли мы лишь в фантазии Пола, или действительно, или где-то между действительностью и фикцией... Считаю, мы должны оставить эти решения на потом. Мы же хотели поговорить о Тунгуске и, полагаю, недавнее предложение Пола, осуществить это намерение здесь и сейчас...

Фейерабент: ... «здесь и сейчас» я никогда не говорил. Не понимаю, можно ли говорить это здесь.

Черенков: Но ведь сейчас Вы как раз сказали «здесь»: Вы не понимаете, можно ли говорить здесь «здесь».

Бордман: ... Итак, я считаю хорошим предложение Пола, побеседовать об

этом событии, причем неважно, случилось ли оно на самом деле...

Черенков: Конечно же, оно случилось действительно! Ну не давайте же Полу себя запугать, Бордман!

Бордман: Итак, еще раз: идею Пола, в своем ли он – да и мы сами - рассудке, или нет, я считаю хорошей. Как еще здесь, в этом тумане, можем мы разрешить эти вопросы о вымысле и действительности, безумии и рассудочности? По-моему, иначе и вовсе невозможно. Так что нам не остается ничего иного, как отстраниться от всех этих разногласий и продолжить, иначе мы только вконец завяжем в бессмысленном диспуте о сновидении, реальности, вымысле и воспоминании.

Черенков: И я того же мнения. Так что давайте продолжим и наворачаем то, что так и не успели сделать до нашей смерти.

Фейерабент: Возможно, Вы уже тысячекратно преуспели в этом. Возможно, с момента своей смерти Вы не чем иным и не занимались, а только рассказывали себе эту историю.

Блэкфут: Но мы не знаем этого, Пол.

Фейерабент: Вот именно, вы этого не знаете.

Блэкфут: Итак, Черенков. Что, как Вы считаете, произошло 30-го июня 1908-го?

Что такое естественное объяснение?

<...>